
ЭССЕ

С. В. ПРОЖОГИНА

НОСТАЛЬГИЯ (Этюд о печали Алжирской войны)

В отрывке из готовящейся к изданию книги автора «Антология страданий (литературные свидетельства об Алжирской войне)» освещается драматическая история антиколониальной войны через анализ романа франкоязычного арабского писателя. И полвека спустя после достижения независимости ни алжирцы, изгнавшие французов, ни французы, ушедшие из Северной Африки, не могут забыть о несостоявшейся гармонии двух разных культурных социумов.

Чтобы прочувствовать страдания людей, уставших от войн и тоскующих о мире, отнесемся с должным вниманием к «симптоматике» одного из важных событий литературной жизни Франции и Алжира 2008 года – роману Ясмине Хадры «То, что день должен ночи» (Jasmina Khadra 2008) и посмотрим на него в общем контексте.

Говоря о творчестве алжирских романистов последних двух десятилетий XX века, чьи имена стали весьма популярными в самом Алжире, а сегодня и во многих других франкоговорящих странах, нужно прежде всего вспомнить о «Ясмине Хадре». Имя взято в кавычки, потому что это псевдоним кадрового офицера алжирской армии, полковника Мохаммеда Мулессеуля (род. в 1954 г.). Опубликованные им под собственным именем несколько небольших книжек поначалу не вызвали пристального интереса критики, хотя и пользовались спросом у массового читателя, привлеченного незатейливостью сюжетов, взятых как бы прямо из окружающей, обиденной жизни («Хурий», 1984; «Атен», 1984; «Девушка на мосту», 1976; «Привилегия Феникса», 1989). Эти произведения вышли в местном издательстве «Эналь», и только французский издательский дом «Хармагтан» опубликовал повесть Мулессеуля «По другую сторону города» (1989).

Я не случайно отмечаю место выхода в свет первых произведений необычайно популярного сегодня писателя. В 80-е годы в Алжире, где уже свершилась «арабизация» культуры и прочно заняла свои позиции

арабоязычная литература, франкоязычных писателей – наследников традиции, идущей из недр как культуры европейской, так и культуры *национальной*, формировавшейся в эпоху, связанную с идеалами независимости, – практически не печатали. Разве что Р. Буджедра сам себя переводил на арабский язык, да делались попытки «стимулирования» творчества «молодых» франкофонов из Фонда Нурредина Абы – известного алжирского драматурга, скончавшегося в середине 90-х годов в Париже и завещавшего, будучи уже тяжело больным, алжирские гонорары за переиздание своих пьес в Алжире «новым именам», отваживавшимся писать по-французски. (Сам писатель, живя во Франции, свои гонорары получать не мог: алжирский закон это запрещал.)

Многочисленные премии, полученные Мулессеулем, свидетельствовали прежде всего о его успехе среди читателей, новое поколение которых приобщилось к французскому языку самостоятельно (в школах уже всю преподавали английский, избавляясь окончательно от «наследия колониализма»). «Новая литература» на французском не была трудночитаема, как, к примеру, произведения крупных алжирских романистов 1970–1980-х годов, в основном печатавшихся во Франции, значительно усложнивших свою писательскую манеру (это касалось не только магрибинской прозы, связанной с яркими именами Р. Буджедры и Н. Фареса, но и «классиков» – М. Диба, Р. Мимуни, А. Джебар, Т. Джаута и др.). Ее можно без всякого унижения назвать массовой – язык она использовала простой, не стремилась ни к философской, ни к психологической глубине, а социальные коллизии и любовные сюжеты излагала доходчиво, в логической последовательности эпизодов, не «закручивая» в трудно расшифровываемые спирали смещения времен.

Мулессеуль не скрывал «традиционных» литературных пристрастий и скорее напоминал по своей манере первых алжирских романистов 1950–1960-х годов. Литературный же авангард (как «модернизация» эстетических решений, на которых настаивал теоретик нового магрибинского романа марокканец А. Катиби) был в Алжире ориентирован во многом на читателя европейского, уже привыкшего к разным «обновленным» явлениям в литературе.

Но банальными сюжетами из «обычной жизни» Мулессеуль ограничиться не захотел. Его давно волновали острые проблемы и Алжира, и мира (он знал их не понаслышке), а вспыхнувшая в 1989 году гражданская война заставила дать широкому читателю видение проблем, которые по-разному муссировались народом, во многом питавшимся слухами, догадками, порой весьма смещенными представлениями о сути начавшейся в стране (и продолжавшейся долгие годы) войны, истребившей сотни тысяч жизней.

Полковник уходит не только со службы, но и в литературное «подполье». Он берет себе псевдоним *Ясмينا Хадра* (имя, взятое им для «камуфляжа», носила его жена) и в серии острых политических детективов, появляющихся систематически с 1990 года (в начале XXI века писатель снова возвращается к своей «исконной» фамилии), завоевывает публику необычайными разоблачениями «заговоров» политических и финансовых кругов Алжира и других стран, государственных чиновников, занимавшихся прямым «пособничеством интегрстам» и практически развязавших гражданскую войну в стране, дабы нагреть на ней руки и еще больше обогатиться... В остросатирической, часто даже саркастической, манере писатель в «полицейских» романах со сквозным персонажем-сыщиком – «Хирургический нож в руках помещанного» (1990), «Ярмарка» (1993), «Идущие на смерть» (1997), «Двойной удар» (1997; французское название: «Удвоенное белое» – «*Double-Blanc*», где «*blanc*» – *белый цвет*, традиционно в Алжире означавший *цвет погребального савана*) – виртуозно играл на воображении масс. Надо сказать, что массы были настроены и против властей («манипулировавших» строительством «социализма» и постоянно предававших идеалы независимости), и против фанатиков-исламов, сколачивавших отряды бандитов, которые сводили счеты с «неверными» мусульманской религии, с властью, а заодно грабили мирное население и истребляли целые деревни, и против необычайно размножившихся в это смутное время «маньяков-убийц»¹.

О том, что на самом деле происходило в Алжире, судить историкам, социологам, исследователям экономических, социальных и политических причин, приведших к взлету исламизма, разгулу обычного бандитизма и в целом – к гражданскому противостоянию в обществе, не столь давно вышедшем из войны *общенациональной* – антиколониальной. Но художники, бесспорно, имеют право на собственное видение событий, которые под пером многих алжирцев превращались в непрерывно длящийся в стране «кошмар», «бред», «проклятие». Однако «суровость» критического реализма и даже беспощадность его, присущие, скажем, книгам М. Дибя («Пляска смерти»), Р. Буджедры (от «Отвержения» до «Беспорядка вещей»), Р. Мимуня («Тягость жизни», «Проклятье»), Асси Джебар («Оран, мертвый язык»², «Непогребенная», «Белый траур Алжира»), в отличие от «*черных*» (именно так называют их сами алжирцы) романов Ясмины Хадры, сам «детективный» жанр которых призван раскрыть преступления, а значит, тоже несущий немалый заряд критицизма, обладают, на мой взгляд, особым

---

¹ Альтернативная точка зрения на цикл «черных романов» Я. Хадры представлена в статье И. Д. Никифоровой «Ясмينا Хадра: новое имя и новое слово в алжирской литературе».

² Об этих и других произведениях алжирской литературы XX–XXI вв. см. мои работы: Прожогина 1980; 1992; 1998; 2001; 2004; 2006; 2008.

гуманистическим звучанием. Степень же безжалостности бичевания общественных пороков стирала грань, отделяющую искусство, мир отражающее, от искусства, пытающегося его преобразовать, словом, вызывающего прежде всего к духовному миру человека...

Запечатлевая ужасы гражданской войны, охоту на людей, зверские убийства, неистовость отвратительных оргий давно прогнившего, коррумпированного «верхнего слоя» общества, патологическую склонность к насилию не только высших армейских чинов, но и солдат, всеобщую извращенность нравов, физиологическую уродливость «правлящего класса» и звериные наклонности «простых людей», искушенных деньгами, Ясмينا Хадра рисует картину чудовищных превращений страны (действительно многострадальной). Это похоже на полный грязи бурный поток мутных вод, прорвавшихся в высохшее русло реки, бешено несущихся по нему, вызывая ощущение потопа, который грозит гибелью всему и вся. Несмотря на стоические усилия героя романов – комиссара полиции, «правоверного мусульманина», равно удаленного от «козней властей», интриг государственных чиновников, от армии и Фронта национального спасения (партии исламских фундаменталистов), стремящегося наказать содеявших Зло, оно – Зло – неподвластно этому «несгибаемому» борцу. Уже «нащупав» его, уже увидев его гнусное «лицо», уже настигнув или застав врасплох, уже почти определив причины свершающегося насилия, бесстрашный сыщик не может остановить его. Оно словно множится из книги в книгу, а значит – не без помощи своевременно найденного автором жанра, – по-своему «эстетизируется». Именно в этом *ужасная* привлекательность детективов. Они погружают читателя в жутко-напряженную атмосферу, которая должна, просто призвана даже, держать человека в бесконечном *suspense* – состоянии эмоционального переживания «загадочности», в ощущении «подвешенности» в ожидании развязки, долго волнующего незнания «истинности» свершающегося, а потому особо интересного, вызывающего желание заглянуть в конец книги. Но «концы» эти случайны, а проблемы как-то странно деформированы, обретя характер общенационального разложения – безысходного, неотвратимого... А поэтому и гипербола, и гротеск, и сарказм, и сатира Хадры не просто пугали ужасами, заставляя искать свет в конце мрачного туннеля или маяк в океане всеобщего бедствия, но держали читателя в оцепенении (похожем на гипноз) от «мерзости жизни». Человек может надеяться только на помощь честного полицейского комиссара, который воплощает хранителя Чистоты, законов Справедливости и Чести всего общества, что на фоне показанного в романах Хадры становится если не гротеском, то печальной пародией на «классиков» жанра, делавших своих сыщиков сгустком «викторианской» или республиканской морали...

У М. Диба есть сборник стихов, который назван им, мусульманином, несмотря на горечь изгнания из родной страны, крах многих идеалов и иллюзий, почти по-христиански: «*Omneros*» – «ВсеЛюбовь». Можно, наверное, обобщив смысл «полицейских» романов Ясины Хадры, амплифицировав название одной из его книг («*Morituri*»), обозначить главную их мелодию как «ВсеСмерть». (В конце концов из романного пространства Ясины Хадры уйдет в небытие и его герой-полицейский, одинокий борец с убийцами и предателями народа, единственный «поборник Справедливости», стремящийся навести порядок в стране.)

В теме войны, упорно звучащей в творчестве почти всех алжирских романистов, эта мелодия порой тоже заметно слышна. Но обычно герои «высокой» литературы различали и другие «маяки», другие «знаки» земного предназначения человека, обреченного не только на смерть, но и на Жизнь: Свободу, возможность видеть Свет, слышать шум Моря, созерцать вольный Полет птиц, вливаться в людской поток, в веселый гул толпы, празднующей Победу над Мраком; мечтать о «Городе Солнца», о неподвластных времени Горах, вечно хранящих память о тех, кто погиб за Свободу Алжира...

Мне скажут, что щемящих сердце интонаций немало и в «черных» романах Ясины Хадры (массовой литературе с ее атрибутом просветительского начала и даже пафоса сентиментальность не чужда). Однако герои алжирских писателей чаще говорили, чтобы жить. У автора же «Идущих на смерть» есть слова: «Если ты говоришь, то умрешь. Если молчишь – умрешь тоже. Тогда говори и умри». О своей обреченности на смерть знали в стране многие. В Алжире и в эпоху антиколониальной войны, и во время гражданской так или иначе опасность ощущали почти все. Особенно интеллигенция: писатели, учителя, журналисты, художники, артисты. Видимо, убийц смущала их способность сопротивляться, выжить. Но не любой ценой. И главное – отчаянной попыткой выбраться на свет (даже если тебя почти убили и завалили «горой трупов», как в романе Р. Буджедры «Беспорядок вещей»)...

Интонациями безысходности, беспросветности окрашены не только романы Ясины Хадры. Полковнику, кадровому военному алжирской армии, высокообразованному человеку (за его плечами, между прочим, – советская военная академия), владеющему несколькими иностранными языками, достойно представляющему сегодня свою страну во Франции (на пост руководителя Алжирского культурного центра он назначен президентом Алжира А. Бутефликой), хорошо известна политическая ситуация на Ближнем Востоке, в Афганистане и в других странах. Поэтому его романы о «черной» изнанке власти талибов («Ласточки Кабула», 2002), страшной реальности палестино-

израильского конфликта («Покушение», 2005), о последствиях войны в Иране («Сирены Багдада», 2007), переведенные на 36 языков мира, отмечены той же остросужетностью, захватывающими коллизиями, не оставляющими читателей равнодушными (книги Хадры переиздаются в массовой «карманной» серии *«livres de poche»*), мастерством повествования и диалогов и отменным знанием местных проблем и реалий. Но и эти романы оставались прежде всего *«polar»*, т. е. размещались в жанре преимущественно детективном, где решался основной вопрос: «Кто убийца?» Писатель по-прежнему констатировал безысходность хаоса, обретенного современным человечеством: братоубийственные войны, жестокие предательства, всеобъемлющая коррупция, политические интриги, бесконечные финансовые махинации, изощренные убийства и невыносимые мучения жертв...

Я долго не решалась войти в книжный магазин в Париже и снять с полки новую книгу Ясины Хадры, увиденную в витрине: объем ее, правда, напоминал скорее огромные французские *«romans-fleuves»* – «романы-реки», «семейные хроники» – саги, где история не остановлена в кадре только текущих событий, а прослежена с «изначала» времен до смерти героев. Книгу я не купила, узнав ее цену у продавца, хотя и заинтересовалась краткой аннотацией на суперобложке (с фотографией некоей прекрасной дамы в соломенной шляпке, защищавшей от палящего солнца). Я поняла, что речь идет о произведении, необычном для творчества Ясины Хадры. На сей раз он обратился не только к проблеме ада Жизни, но прежде всего к образам утраченного человеком рая – того времени, когда на Земле была возможна (пусть и недолго) Тишина (французский *paix* – «мир» – означает и «покой») и люди еще верили в Дружбу, Любовь, Солидарность и Справедливость. Верили в особое Братство, скрепленное общностью не единой семьи, но земли, на которой они родились и жили...

Словом, я, знаящая не понаслышке, что такое «раны алжирской войны» (той, освободительной, которую алжирцы называли революцией, а политики и историки – борьбой алжирского народа за независимость 1954–1962 гг.), и раны памяти о ней, видевшая своими глазами и тех, кто сражался в горах, и тех, кто уезжал за море, покидая родную землю, с трудом постигавшая когда-то простую истину, что и у тех и у других своя правда, свое оправдание сопротивления, увидела, наконец, произведение, к смыслу которого алжирская художественная литература на французском языке так или иначе тяготела долгие годы. Но высказать всю правду о трудной алжирской истории было всегда непросто. Большие мастера либо метафорически отображали катастрофу разлома миров, существовавших на одной земле (М. Диб, «Бег по дикому берегу»), либо с философической тщательностью изучали причины кровавого конфликта (М. Маммери, роман

«Опиум и дубинка», пьеса «Горячий ветер пустыни»), либо погружались в глубины памяти о детстве, поэтизируя давно утраченную целостность окружавшего их мира (Р. Беламри, «Каменный приют»).

Ясмину Хадра позволил себе в 2008 году написать смелую «фреску» – воссоздать на огромном романном полотне живую память человека о реальном прошлом своей родины, показать и ее неразрывную, почти «материнскую» связь с Францией, и ту многоликую любовь к Алжиру, которая жила в сердцах разных народов, населявших эту землю, оставивших ее по воле Судьбы или Истории и потом, на другой стороне моря, ощущавших боль родных, отрезанных корней...

Но смелость, наверное, изначально была присуща полковнику Мулессеулю, как и безупречная учтивость по отношению к русским: я явилась на прием к нему в Алжирский культурный центр в дни грузино-осетинского конфликта, воспринятого во Франции поначалу совсем не в нашу пользу. Последняя книга Ясмину Хадры мне была нужна не только потому, что она числилась в моем списке новинок литературы магрибинцев, но и потому, что я уже знала: роман «То, что день должен ночи» – реальное воплощение той великой «*Rêve de Fraternité*» – «мечты о Братстве», которой один из моих сорбонских учителей объединил на страницах своей антологии творчество французских и алжирских писателей, посвятивших свои книги одной общей для них земле (Algerie... 1997). Среди них Изабелла Эберхард, Эммануэль Роблес, Жан Пелегри, Жюль Руа, Жан Сенак, Абделькадер Фикри, Мулуд Фераун, Жан Амруш, Мулуд Маммери, Мохаммед Диб и другие. Они дети разных народов – русская, французы, итальянцы, испанцы, кабилы, арабы... Алжир их объединил, Алжир их и разделил. Но не мог отнять общую мечту о свободе, о счастье людей, с любовью возделывавших свою землю, хранивших и ценивших ее красоту, боровшихся за справедливость и пытавшихся любой ценой сберечь возможность диалога даже тогда, когда уже пылал пожар войны...

О том, как рождалась эта мечта, как жила и как умирала, как воскресала и как хранилась в сердцах тех, кто пережил кошмар войны, но в чьих душах не избыла любовь к Алжиру, и была новая книга Ясмину Хадры. Я спросила у писателя прямо, верны ли мои предположения, ведь прежний опыт знакомства с его творчеством рождал у меня совсем другие – *безнадежные* мысли...

Полковник сказал мне по-русски: «Спасибо». И был не по-французски щедр. Он подарил мне свою новую книгу, а заодно и все свои произведения, повторно вышедшие в крупном французском издательстве «*Julliard*».

...Возможно, в названии романа «То, что день должен ночи» использована какая-то алжирская или французская поговорка, – в тексте она не упоминается, а спросить автора я не успела. Впрочем, загадка названия позволит отойти от конкретики в план семантической многослойности, очевидной именно после прочтения произведения. А оно, написанное по всем канонам реалистического искусства, в линейной хронологии событий, в логической последовательности повествования, включающего в себя и семейную сагу, и социально-исторический роман, похожий на эпопею, полную любовных и психологических коллизий, детализированного бытописания, документальных свидетельствований и политических комментариев, пронизано бесконечной печалью лирического настроения души героя-повествователя. Это придает всему огромному эпическому сказанию особый романтический флер, когда разлад мечты и действительности становится лейтмотивом самой Истории. Поэтому и «День», и «Ночь» одной человеческой жизни, запечатленной в романе, так тесно связаны с жизнью разных поколений, разных народов, с жизнью самой страны. А она, познавшая и мрак «колониальной Ночи»³, и рассвет надежд на свободу коренных алжирцев, жила еще и особой, колониальной повседневностью, где среди колонистов – «алжирских европейцев» – царило упоение обладанием огромной, прекрасной землей, «подвластностью» ее могучих стихий Солнца и Моря, создававших иллюзию вечности этого Царствия⁴... Время крушения иллюзий было сродни восхождению «Черного Солнца», его затмению и наступлению мрака Судного дня, отметившего судьбы огромного количества людей своей страшной печатью...

Но это – метафорически сгущенное мной пространство романа. Реальная же действительность, отраженная в его образах, относится к значительному периоду исторического времени и запечатлевает события жизни героев, восходящие к 30-м годам XX века и завершающиеся, как пишет автор, «в наши дни».

Повествование ведется от первого лица. Рассказчик, которому сегодня за восемьдесят, вспоминает свою историю с того момента, когда для него, девятилетнего, жизнь началась заново, трагически изменив свое привычное русло. Злоумышленники сожгли поле отца в родной деревне, и в пожаре погиб весь долгожданный урожай, на вырученные деньги от которого отец мог бы не только избавить семью от голода,

---

³ Знаменитый деятель эпохи алжирского национально-освободительного движения Ферхат Аббас именно так назвал свою программно-аналитическую книгу «*La nuit coloniale*» (Abbas 1962).

⁴ Об этом, собственно, и написал в своих произведениях, философски «сгустивших» эстетику колониального сознания «алжирских европейцев», Альбер Камю, показав, как их гедонизм (особое наслаждение ощущением своей свободы) «врастал» в географическую атрибутику самой алжирской земли, где поклонению «культу Солнца и Моря» не должен мешать никакой Мрак Жизни, никакая Тень, омрачающая радость Бытия.

но и выкупить давно заложенную землю. Она досталась ему по наследству – он был единственным из братьев, который решил остаться на дальнем, почти сахарском юге Алжира, где некогда проживало его могущественное племя и пользовался почти священным уважением весь его род, восходивший к легендарной воительнице, умело охранявшей плодородный оазис от набегов чужеземцев...

Но с последними из них – французами – люди не справились, и вот уже сто лет они царили здесь повсюду; древний род распался, земля стала худосочной, и совсем обнищавшая семья ждала милости неба, уповая на будущий урожай. Чудо свершилось, засуха кончилась, поле колосилось, и счастливый отец считал дни, чтобы вовремя собрать плоды невероятных усилий, адского труда, нечеловеческого терпения, надеясь вернуть себе «свою землю», а вместе с нею – воспрянуть, восстановить «свою честь», ибо только так можно было отвоевать свое и своей семьи достоинство. Мать первой поняла, что случилось непоправимое, почувствовав ночью запах гари. И когда в хижину вернулся обезумевший от горя отец, она молча собрала в узелок жалкие пожитки, завернула в одеяло маленькую немую сестренку Юнеса (так звали героя), взяла ее на руки и покорно пошла с детьми за отцом, который решил покинуть деревню, поняв, что землю свою ему теперь не вернуть. Остался один путь – на север, к морю, в город, где жил его брат. Отец, мать и сын несколько дней прошли пешком, пока водитель попутного автобуса не сжалился над ними и не подбросил их до Орана...

В экспозиции романа по-своему воспроизведена атмосфера эпохи кризиса колониального режима в Алжире, сопровождавшегося массовым обнищанием деревень и исходом крестьян в город, образованием там особой массы «деклассированных» слоев и возникновением специфических кварталов – «бидонвилей» – конгломератов жалких лачуг без удобств, часто без электричества, где теснились семьи людей, перебивавшихся с хлеба на воду, живших случайной работой, ничтожными заработками. Там, на одной из бедняцких окраин, и поселится в темном и тесном бараке семья мальчика: брат отца – аптекарь, человек состоятельный, заплатил хозяйничавшему здесь маклеру за размещение неожиданно объявившейся родни. Отец гордо отказался от предложения пожить, пока не найдет работу, в доме брата. Он твердо решил «карабкаться в гору» самостоятельно, уверенный в том, что преодолет обрушившееся на него несчастье.

Так они и стали жить, с трудом привыкая к новому быту, пытаясь справиться с новой нищетой, бороться с голодом, болезнями, не брезгуя никакой подвернувшейся работой, каждый раз дававшей отцу надежду на спасение. Но случайный первый заработок сына – Юнес помог в лесу юноше-птицелову, и тот поделился с ним вырученной от

продажи дроздов мелочью – отец не принял, запретив ему работать. А учиться мальчику было не на что. Отец все пытался «карабкаться в гору» в одиночку, но ему не везло, и в один несчастный день он лишился всех своих сбережений, доверившись проходимцам, обещавшим ему сделать за него «первый взнос» в какое-то «прибыльное дело». После этого удара он был уже почти сломлен и, преодолев гордыню в последний раз, навестил своего благополучного брата и согласился на предложение оставить Юнеса в его доме и определить в школу. Мальчику шел уже одиннадцатый год. Аптекарь с женой-французенкой были бездетными и с радостью приютили племянника, который обрел новую семью, хотя еще долго тосковал по матери и сестренке...

Мальчик был смысленый и послушный, и довольно быстро овладел с помощью дяди французской грамотой. Жермена, дядина жена, говорила дома и с мужем, и с Юнесом только по-французски, и через несколько месяцев Юнеса определили в хорошую школу. Там он превратился в Жонаса⁵ (или, как стали называть его одноклассники, – Жона), и о бедном «арабском прошлом» как-то забылось само собой: ученик был из благополучного дома, жил в приличном городском квартале, был всегда чисто и «достойно» одет, и обучавшиеся в школе дети «европейских алжирцев» – французы, итальянцы, испанцы, евреи, мальтийцы, греки (пестрый этнический состав Орана, как и столицы страны и других крупных городов, окрашивал особым цветом и учебные заведения колониального Алжира) – посчитали его за своего.

Дела у дяди шли неплохо, аптека его пользовалась известностью, и знакомые часто навевывались в их дом. Среди гостей были и какие-то, видимо, важные для него люди. Как-то Юнеса представили одному из них: это был Мессали Хадж⁶.

Потом, когда мальчик подрос, он понял, что в доме дяди собирались те, кто готовил Алжиру иной удел. В недалекой отсюда Испании уже гремела война, еще немного, и начнется Вторая мировая, а здесь поднималась волна национально-освободительного движения...

Однажды за дядей пришла полиция. Аптекаря отпустили быстро, но вышел он из заключения непохожим на себя и тяжело заболевшим душевно: замкнулся, не покидал своего кабинета, ни с кем не общался, оставил все дела. В аптеке стала работать Жермена, и Юнес начал ей помогать. По городу поползли слухи, что дядя под пытками выдал все действовавшее в Оране политическое подполье.

---

⁵ Арабское *Younes* (алжирское произношение арабского *Younous* – Юнус) и французское *Jonas* означают одно и то же (русский эквивалент Иона) – имя библейского персонажа.

⁶ Видный алжирский политический деятель, один из идеологов национально-освободительной борьбы в Алжире. Об этом историческом периоде страны см. работы: Ланда 1976; 1980; 1983 и др.

Русло жизни резко изменилось: дядя убедил семью переехать в небольшой поселок европейских колонистов, находившийся в 60 км от Орана, – там нужна была аптека. И они перебрались в *Rio Salado*. Юнесу удалось на прощание сбежать в ту часть города, где он жил еще с отцом и матерью. Там он узнал, что отец внезапно оставил семью; что мать, бедствуя, устроилась куда-то поденщицей, а немую сестренку отдала кому-то, кто пообещал взять ее на подсобную работу в портняжную мастерскую. Мать была рада, что у сына нормальная, сытая, обеспеченная жизнь, что он ходит в школу, чисто и красиво одет, и не стала задерживать его ни слезами, ни лаской, поспешая расстаться с ним и не давая ему времени задержаться взглядом на окружавшие их старый барак грязь и нищету.

А «тень» отца будет еще долго тревожить воображение, будить мальчика по ночам. Однажды ему показалось, что он увидел его в своем богатом квартале, грубо вытолкнутым на улицу из какого-то бара, где пили европейцы. Отец был нетрезв, шатался, сына не узнал и куда-то ушел, растворившись, как призрак, в тумане. Сын бежал за ним, но не догнал... Но отец навсегда остался в памяти Юнеса как человек, пытавшийся «преодолеть гору», выбраться, «выкарабкаться» из обрушившихся на его семью несчастий, отвоевать поруганную честь своего племени, вернуть свою землю.

Испанское название *Rio Salado* («Соленая речка») в Оранской провинции звучало естественно, здесь когда-то выходцы из Испании обосновались первыми, и их было больше, чем французов. Школа в *Rio Salado* была такая же, как и в Орানে, привилегированная, в ней учились дети колонистов. Поселок был богатый, у всех – земельные владения, виноградники и прекрасные, утопавшие в садах особняки. Школьники, разумеется, разузнали, что «новичок» Юнес – приемный сын аптекаря-алжирца, и поначалу посматривали на него косо, пытались даже как-то его побить. Но подросток был незлопамятен, приятен в обращении, достойно воспитан, по-французски говорил без акцента. К нему быстро привыкли, даже подружились, да и время наступало такое, что всем им, алжирцам, лучше было держаться вместе: у Франции (а значит, и у Алжира) был сейчас один общий враг – немецкий фашизм. Шел 1940-й год – Юнесу исполнилось тринадцать, и никто его уж давно не называл этим именем: для всех он и здесь был *Jonas*. Утром он ходил в школу, днем помогал Жермене в аптеке, разгружал картонные ящики, расставлял по полкам лекарства, а иногда и обслуживал клиентов, по вечерам готовил уроки, читал, разговаривал с дядей. Иногда дядя рекомендовал прочитать что-нибудь из книжных новинок. Так Юнес открыл для себя Альбера Камю...

Как-то Жермена попросила племянника обслужить маленькую клиентку, заходившую сюда за лекарством для себя со своей матерью.

На этот раз девочка пришла одна. Она представилась Юнесу, сообщила, что ей девять лет, зовут ее Эмили и мама лечит ее от какой-то болезни. Пока Юнес искал ей лекарство, девочка читала книгу о далекой заморской стране, где был на службе ее отец. Эмили показалась тринадцатилетнему подростку необычайно красивой и умной, и он почти влюбился в нее. Но она промелькнула как прекрасное видение, зайдя в аптеку еще как-то раз за забытой книгой, в которую мальчик вложил цветок. На несколько лет этот эпизод был забыт. Жермена сказала, что мать и дочь уехали к отцу в далекую заморскую страну.

А жизнь в *Rio Salado* продолжалась, медленно текла по-прежнему. В доме дяди особых перемен тоже не было. Политика больше не интересовала аптекаря, он старался забыть свое прошлое, людей остерегался, на улицу почти не выходил, жил затворником, как бы не касаясь окружающего его мира. Хотя точно знал, что в нем есть «свое» и «другое» (не «чужое», но отличное от «своего»), и как-то даже сказал племяннику, что рано или поздно человек «должен вернуться к самому себе».

У Юнеса теперь была своя жизнь, наполненная дружбой с верными товарищами, которых сплотила любовь к морю и солнцу, к незатейливым радостям существования в комфортной колониальной глубинке, откуда изредка удавалось выбраться в Оран – потанцевать на вечеринках, которые устраивала богатая мать одного из друзей Юнеса. Их было четверо: француз Жан-Кристоф, итальянец Фабрис, еврей Симон и он, араб Юнес. Дети европейских колонистов и местных коммерсантов, они жили счастливо и вдохновенно, не заботясь о будущем, но упоенно ценя каждый миг настоящего. У каждого было свое призвание и свое предназначение: Фабрис стал поэтом (его мать, заботясь о «светском» признании таланта сына, организовывала друзьям выезды в город и веселые вечеринки); Симон попробовал себя, но неудачно, на театральном поприще и стал солидным держателем модных лавок и салонов, успешным бизнесменом; Жан-Кристоф занялся управлением унаследованных земель и виноградников; ну а Юнес продолжил дело дяди. Друзья выучились своему делу в хороших учебных заведениях, имели дипломы и влились в круг известных людей *Rio Salado*. Когда наступало лето, они отдавались стихиям солнца и моря: пляж был для них не просто местом отдыха, но особым храмом, где царило поклонение Радости, исповедовался культ телесных удовольствий, испивался нектар Наслаждения жизнью... Война в Европе уже закончилась, они все счастливо избежали армейской службы (у каждого были свои причины); а в стране уже побывали американские «союзники», оставив после себя аромат легких сигарет, моду на джаз и буги-вуги и новый тип питейных заведений, где вме-

сто привычных здесь вин и анисовой водки люди стали привыкать к крепкому виски.

Американское «поветрие» поспособствовало и известному «легкомыслию» в поведении людей. На пляже можно было теперь свободно, не стесняясь почти обнаженного тела (и своего, и другого), приблизиться к женщине, сидевшей под зонтом, и сказать ей, что она «бесподобно красива». Именно так и сказал Юнес незнакомой даме в прелестной соломенной шляпке с розовыми лентами: кто-то из друзей приметил ее на пляже и посоветовал ему «поймать в свои сети» прекрасную незнакомку. Они все уже крутили романы, но Юнес, хотя и пользовался женским вниманием, никого еще всерьез не любил и даже добровольно отказывался от своих подруг, приглянувшихся и его друзьям. Здесь же все произошло внезапно: его ослепила ее красота, он исполнился неги, исходившей от ее божественного тела, согретого лучами солнца, и голос разума растворился в шуме морских волн. Он слышал только биение своего сердца и не хотел ничего знать о том, что дама намного старше его и вряд ли позволит себе откликнуться на его призыв. Но случилось нежданное: узнав, что он аптекарь, она попросила принести к ней домой какое-то лекарство. Зайдя вечером в ее дом, он вышел оттуда только утром, похожий на выбравшегося на сушу моряка после пережитой бури. Их короткий, почти неправдоподобный, но страстный роман («все как во сне», подумал он) был действительно похож на любовную бурю. Но вторая попытка Юнеса окончилась крахом. Дама сказала, что она замужем и должна «соблюдать приличия», даже если «муж ее далеко», должна блюсти «Закон» и «благочестивость» и дорожить своей «безупречной репутацией»... Так все и пронеслось, как сон, как лето на море, растворяясь в воспоминаниях о чем-то необыкновенно жарком, о томительно-сладостном, оставшемся глубоко упрятым в душе, как дорогое мгновенье, запечатленное на фото, которое никому нельзя, да и не хочется показывать...

Близился 1954-й год, в стране назревали грозные события, но в глухой провинции жизнь пока шла в привычном русле. Молодежь чествовала новый сборник стихов своего поэта, отмеченный известной литературной премией, и по этому случаю было организовано торжество. Среди гостей Фабриса оказалась невероятной красоты, грации и скромности девушка, в которую снова влюбился Юнес. Снова, – потому что это была та самая Эмили, возвратившаяся после долгого отсутствия вместе с матерью в эти края. Она тоже узнала Жона, вспомнила о его розе, засушенной между страниц ее книги, и они уже не сомневались, что не расстанутся больше никогда. Но, провожая ее к машине, он услышал от друзей, смотревших на нее восхищенными глазами, чья она дочь, – они назвали фамилию той самой прекрасной дамы, которая когда-то обожгла огнем страсти романтически настро-

енного юношу. Узнав о вспыхнувшем романе дочери с *Юнесом*, она то ли в безумном порыве ревности, то ли от гнева на забытую им свою первую любовь, то ли не видя в нем достойной Эмили партии (были женихи побогаче и познатнее, да и знала дама, что *Юнес* – араб), не нашла ничего более устрашающего в оправдание своего отказа на его предложение о браке с Эмили, чем предупреждение о том, что это будет «похоже на инцест». С этого момента мир вокруг начал рушиться.

Эмили, ничего не зная о прошлом матери и Юнеса, не понимала, страдая, отчего Жона стал избегать ее, не отвечать на ее мольбы и вопросы. Жан-Кристоф попытался ухаживать за ней, видя, что она одинока, но получил отказ. Он надолго исчез из *Rio Salado*, ходили слухи, что улетел сражаться во Вьетнам. Фабрис женился на французенке, не благоволившей его дружбе с Юнесом, и переехал в Оран, где голос известного поэта было лучше «звучать». Симон же организовал совместный с матерью Эмили бизнес: открыл сеть модных магазинов в Орране, приумножил свое богатство, и мать отдала ему руку и сердце Эмили.

Союз старых друзей распался, Юнес остался в *Rio Salado* один. В округе, как и во всей стране, начиналась смута. Феллахи поджигали богатые усадьбы, в поселке сгорел дотла модный «американский» бар. Рабочий люд куда-то уходил, скрылся и слуга хозяина бара. Порой где-то раздавались взрывы, слышалась перестрелка...

Однажды ночью в дом аптекаря постучали. Вошли несколько плохо одетых вооруженных людей и молча встали вдоль лестницы, которая вела наверх, в комнаты. Другие люди внесли на самодельных носилках раненого. Юнесу было приказано помочь истекавшему кровью человеку. Тот, кто отдавал приказания, был знаком Юнесу, им оказался слуга, работавший в сгоревшем баре. А лицо того, кто лежал на носилках, напомнило Юнесу друга детства птицелова. Пришедшие в дом люди называли его «командиром».

Ночью Юнес принес все необходимое, но пулю из тела раненого извлекла Жермена, когда-то учившаяся вместе с мужем на одном факультете. У нее дрожали руки, но она не позволила Юнесу взять скальпель – боялась, что в случае неудачи «они» пристрелят его.

Раненый провел в комнате Юнеса несколько дней. Партизаны ушли вместе с ним поздней ночью, предупредив Юнеса, что он должен помнить, что *его место там, где его народ*. Жона снова становился Юнесом. Спустя несколько дней к нему явился посыльный со списком необходимых для партизан медикаментов. Юнес сам отвез ящик в указанное место.

Так продолжалось до тех пор, пока один из связных, унося от Юнеса ящик с лекарствами, не был пойман военным патрулем с личным. В округе была единственная аптека, и подозрение, конечно, сразу пало на Юнеса. За ним пришла полиция, и его бросили в тюрьму. Он, помня горький опыт дяди, ни в чем не сознался.

Перед последним допросом (его должен был пытать особо изощренный следователь) он узнал, что его освободили: в тюрьму приходил староста местных колонистов и поручился за него. Потом Юнесу сказали, что дочь старосты Роза, невеста Жана-Кристофа, когда-то и сама неравнодушная к Юнесу, просила отца сделать «почти невозможное» во имя прошлого.

Война разгоралась. В поселке многих убили; нашли и простреленное партизанской пулей тело Симона, распростертое в саду перед входом в дом, где проводила лето Эмили с их двухлетним сыном. После похорон Эмили с ребенком уехала во Францию, а мать ее отправилась в далекую заморскую колонию, получив сообщение, что муж, начальник тамошней каторги, убит взбунтовавшимися заключенными. В 60-е годы в Алжире вспыхнул новый террор, развязанный уже французами. Колонисты уезжали кто куда. Поселок почти опустел.

Жана-Кристофа Юнес увидел в 1962 году в той же тюрьме, где сидел сам. Теперь она была в руках алжирцев. Туда его привел ставший командиром бывший слуга из сгоревшего бара Джеллюль. Партизаны захватили *Rio Salado* и расправились с теми, кто пытался вести свою войну с алжирскими повстанцами. Жана-Кристофа пощадили, зная, что он был другом Юнеса, а партизаны ценили аптекаря за помощь. Но Джеллюль сказал Юнесу, что перед ним находится «опасный преступник», главарь местного отделения Вооруженной секретной организации французов (ОАС)⁷, на совести которого были многочисленные жертвы. «Я хочу заплатить тебе свой долг. А этот пусть убирается на все четыре стороны, пусть повесится, где захочет, но не в моей стране. Здесь нет ему места!» (Jasmina Khadra 2008: 369) Юнес попросил отпустить бывшего друга на свободу. Жан-Кристоф гордо вышел из камеры и даже не поблагодарил товарища. «Пока он уходил, – вспоминал Юнес, – я не мог помешать себе думать о том, что нас когда-то объединяло в то невинное время, когда цвела наша юность, и меня охватила бесконечная грусть. С его уходом целая жизнь угасала на моих глазах. Но я пытался убедить себя в том, что это еще не конец, и как те сказки, которые рассказывала мне в детстве мать, создавали у меня ощущение чего-то незавершенного, так и сейчас та эпоха, которую уносил с собой Жан-Кристоф, еще не закончена, хотя она уже и жалобно поскрипывала под ногами, уносившими его бог весть куда, на встречу с неведомой судьбой...

---

⁷ «Оасовцы» действовали в Алжире практически самостоятельно, не подчиняясь командованию французской армии, будучи абсолютно непримиримы с мыслью, что Алжир (считавшийся заморским «департаментом» Франции) может отделиться и получить независимость, хотя сама метрополия уже была почти готова к этому, сознавая бесперспективность войны с Алжиром.

А на улице царил праздник, звучала музыка, люди пели и веселились под бело-зелеными знаменами. Завтра, 5 июля, Алжир получит свое удостоверение личности, свой герб и свой национальный гимн. Но ему еще предстояло много сделать для своей самостоятельности. Высыпавшие на балконы домов женщины не сдерживали ни своей радости, ни своих рыданий. Детвора плясала в скверах, взбиралась на памятники и фонари, купалась в фонтанах, лезла на крыши автомобилей... А я пошел в порт смотреть, как отправляются за море изгнанные. Набережная была запружена уезжавшими, их багажом, провожавшими, махавшими платками вослед тем, кто уже стоял на палубах. Корабли ожидали команды "Поднять якоря!", покачиваясь на воде под тяжестью печали экспатриированных. Кто-то не мог во всеобщем смятении найти своих родственников, где-то плакали дети, старики сидели на узлах и дремали, а кто-то и спал, раздавленный горем, и хотел бы больше никогда не проснуться и не увидеть того, что происходит. Я облокотился на балюстраду набережной и думал об Эмили. Наверное, и она уезжала вот так, покидая страну в толпе отчаявшихся людей, бежавших на встречу с неизвестным. А может быть, ее уже и нет в живых... Так я стоял в порту до глубокой ночи, пока не забрезжил рассвет. Занимался новый день, но я все никак не мог признаться себе в том, что то, что для меня едва началось когда-то, уже закончено навсегда» (Jasmina Khadra 2008: 371).

Этот эпизод можно считать завершающим. Основная цель романа: воссоздание судьбы человека на фоне истории и окружающего его мира; история жизни героя, цепь утрат, невозможность любви, глубоко пережитый им конфликт «своего» и «чужого» – практически достигнута. Поэтому заключительная глава, названная автором «Экс-ан-Прованс, наши дни», просто добавляет некоторые подробности (действие ведь происходит полвека спустя с того момента, как герой наблюдал исход европейцев из Алжира) и сообщает о том, что случилось с главными персонажами произведения. Мы узнаем, что приемные родители Юнеса давно умерли; что сам он – отец двух взрослых сыновей и у него есть внуки (ничего, правда, не сказано о том, кто его жена, но можно догадаться, что это мелькнувшая в романе девушка-алжирка); что он еще долго и безответно писал Эмили, адрес которой во Франции нашел для него поэт Фабрис, давно работавший и живший в Париже.

По-видимому, сын Эмили разыскал Юнеса после смерти матери, обнаружив его письма, которые она бережно хранила, и сообщил о ее кончине. Юнес не успел прилететь на похороны, но сразу пошел на свежую могилу своей возлюбленной. Все было в далеком прошлом, но осталась сжимавшая сердце тоска по чему-то незавершенному, несбывшемуся, несостоявшемуся по какой-то всеобщей вине. А собрав-

шиеся на поминки старики твердили о том, что самое прекрасное в их жизни было именно там, откуда им пришлось когда-то уехать, на том, другом берегу Средиземного моря, который они ласково и гордо называли на свой манер, – *nostralgérie*⁸...

В столь объемном повествовании (из которого я извлекла лишь основную канву) естественна «многослойность» семантики изображенного писателем. Можно было бы погрузиться в особое для него измерение истории Алжира начиная с 30-х годов XX века по первое десятилетие XXI века. Но лучше для этого обратиться к собственно историческим исследованиям.

Мне же интересен тот семантический слой романа, который связан с топонимикой и ономастикой. Неслучайно обширная первая часть книги, излагающая историю детства Юнеса, названа так же, как самый жуткий, кромешно-бедняцкий («люмпенский», как сказал бы историк) квартал красавца-города Орана, вместившего в себя все «кричащие противоречия» колониальной жизни: *Jenane Jato*. Французы его, естественно, произносили на свой манер – через «ж», испанцы – через «х», арабы называли по-своему. Вряд ли кто из коренных оранцев помнил истинную этимологию этого названия, однако всем было ясно, о чем шла речь, когда люди говорили, где они живут. Множество портретных зарисовок жителей этого квартала и есть целокупный портрет городских *colonisès*: женщин, занятых домашним трудом и одной мыслью – как накормить, во что одеть детей, погруженных в тяжкую и беспросветную повседневность нищеты; мужчин, ищущих работу или навсегда потерявших надежду найти ее, ставших бродягами, пьяницами, «разбойниками», несчастным «сбродом», кому не было места даже на «обочине» жизни; детей – голодных, оборванных, ищущих или просящих кусок хлеба, не знающих, что такое школа, постигающих свое начальное знание в мрачных тупиках и закоулках жизни и получающих «образование» в убогих лавчонках местных бакалейщиков, у чудаков-брадобреев (которые не брали с клиентов денег, потому что карманы их были также пусты) или обучаясь искусству расставлять ловушки для птиц у тех, кто добровольно ушел из *города* в *лес*, дабы

---

⁸ Об особом образе жизни и менталитете вернувшихся из Алжира «североафриканских европейцев», которых французы называют *«pieds-noirs»* («черноногие»), подчеркивая их «сращенность» с землей, где Франция «присутствовала» 130 с лишним лет (колонизация Алжира завершилась в 1830 г.), написано немало, как и об особой социопсихологической доминанте их потомков, до сих пор ощущающих (как, впрочем, и другие французы) некий комплекс «исторической вины» перед алжирцами. Здесь же, в плане созвучности теме романа Ясмینی Хадры, хочу отметить новеллу известного французского социолога и писателя алжирского происхождения Азуза Бегага «Остров, где живут люди отсюда» (Begag 2006), герой которой, старик-француз, каждое утро встречающий на маяке свет солнца, встающего на другом берегу моря, не забывает о своей настоящей родине – Алжире.

там «свободно дышать». Недаром один из таких «птицеловов» станет со временем грозой оранских колонистов и главой местных партизан. Все это не только множество индивидуальных судеб алжирцев и даже не «скопище» или «сгусток» алжирского простонародья, но прежде всего собирательный художественный образ или особый лик «Большого дома» Алжира, во имя которого и от имени которого и восстала бесстрашная горстка борцов-подпольщиков, сумевших постепенно организовать мощное сопротивление колониализму...

Собственно, вся первая часть романа – это коллективный портрет того мира, в котором проросли корни войны миров, и если бы не крайняя нищета его и не крайняя степень отчаяния людей, существовавших в нем, но потерявших надежду на саму жизнь, то, возможно, и не было бы крайностей той войны, которая залила кровью всю алжирскую землю...

А на ней был и другой мир, запечатленный во второй части книги, названной *Rio Salado*. И здесь все географически точно: именно так называлось ухоженное селение колонистов недалеко от Орана (сегодня это местечко называется Эль-Мадхед и не имеет ничего общего с его романским прообразом: виноградники там вырубил под корень алжирская «аграрная революция»).

Этот весьма типичный для Алжира «уголок», где жили преимущественно европейские колонисты со всем своим «окружением» – крестьянами-феллахами, обрабатывавшими землю; строителями поселков и «устроителями» жизни в них (электриками, водопроводчиками и пр.), прислужгой, посыльными, почтальонами, держателями кафе, мелкими лавочниками, собственной «феодалной знатью» и «аристократией» и со своей сельской беднотой, жившей «за чертой» поселка, в условиях еще более «диких», чем беднота городская, и становится собирательным образом другого мира, тоже существовавшего на алжирской земле, где были иные условия человеческого существования. Нельзя сказать, что иной удел других «европейских» алжирцев был изначально прекрасен: жестокая колонизация чужой земли, чудовищное истребление сопротивлявшихся племен⁹, тяжкий труд первых колонистов, превращавших «дикие» просторы в цветущие долины, – история колонизации была залита кровью и потом европейских поселенцев. Но их потомки не только умножали труды своих прадедов, но и пожинали плоды их усилий: новая земля начала радовать красотой и щедростью. У них были (в отличие от европейцев в метрополии) большие дома, благоулучие, долго ничем не омрачаемая уверенность в завтрашнем дне. Здесь даже пылавшая в Европе испанская война и первые предвестья Второй мировой не воспринимались всерьез: все

---

⁹ Алжирка, член Французской Академии Ассия Джебар запечатлела это в своем романе «Любовь, фантазия» (1985), переведенном на русский язык в 1991 году.

это было «где-то далеко», за морем... И даже когда война разразилась, не сразу рухнули устои хорошо налаженного быта; в армию колонисты особо не стремились: защищать «французское отечество» посылали наемных солдат из местного деревенского населения, сельской бедноты. Эти алжирцы получали неплохое жалованье, и семьи их несколько военных лет как-то просуществовали, спасенные от голодной смерти...

Но сколько ни культивируй царство Солнца и Моря, ни поклоняйся его роскошным «стихиям», ни уповай на его бесконечную щедрость, ни вкушай прекрасных плодов, не избежишь жестокости прозрения, возможно, само Солнце этой Земли и тайло в себе грозную силу. Уж слишком долго не виделась обитателями «земного рая» теневая часть жизни, которая граничила с ними, но существовала как бы параллельно: это туда, по ту сторону казавшегося неизбывным Счастья, уходили ночью прислуга, подсобные рабочие, мусорщики, подметавшие и убиравшие прелестные улочки «Соленой речки», вычищавшие дворики богатых особняков от опадавших лепестков роз и глициний...

В том, другом поселке жили семьи местной бедноты. Здесь не было ни водопровода, ни канализации, ни электричества, ни аптеки, ни больницы, ни продуктовой лавки, ни мусорных бачков; здесь царили нищета, грязь, вонь, болезни; жизнь словно выворачивалась на свою черную изнанку, изливалась в сточную канаву. И как оранский птицелов, с юности понявший, что только пространство соседнего с городом леса – пространство его Свободы, так бедняк из *Rio Salado*, слуга богатого колониста, державшего питейное заведение, где европейцы наслаждались жизнью, уйдет в горы, перейдя «на службу» к повстанцам.

А пожар народной войны постепенно разгорался: начиная с ноября 1954 года почти каждую ночь пылали чьи-то фермы, поля, сады, крестьяне поджигали уголья своих хозяев, их дома, многих из них убивали; бедняки собирались в отряды, уходили в партизаны. *Rio Salado* постепенно ветшал и пустел. Рушился мир, хребет которого оказался иллюзорным сооружением, шатким порубежьем двух разных его половинок, на одной из которых жили хозяева, на другой – рабы...

В книге есть эпизод, в котором сопоставлены «правды» двух миров, каждый из которых не мог не страдать, когда разразилась война, и не мог не сопротивляться. После начавшихся поджогов в *Rio Salado* на подозрении был Джеллюль, тот самый исчезнувший слуга из сгоревшего американского бара алжирского европейца Андрэ, в заведении которого когда-то часто бывал Юнес с друзьями. Отец Андрэ – богатый фермер старик Хименес Соза – был всемогущим, и Юнес отправился к нему, когда узнал, что Джеллюля схватили и должны казнить. «Послушайте, господин Соза, – сказал он отцу Андрэ. – Наверное, это недоразумение. Джеллюль не мог стать поджигателем. Скорее всего, он невиновен. – Ну, что ты выдумываешь! – закричал

Хименес Соза. – Арабы у нас в услужении из поколения в поколение, и моя семья знает, что это за люди. И я знаю отлично. Все они – змеи, гадюки. Да он и сам признался. Мы его казним! И я лично прослежу, чтобы его отрубленная голова скатилась в корзину.

...Он подошел ко мне, – вспоминал Юнес, – и пригласил пройтись и поговорить. “Это очень серьезно, Жона. Речь не идет ведь о каком-то мордобое, о сведении счетов... Идет настоящая война. Страна дрожит, качается, и сейчас не время спасать и козу, и капусту. Надо ударить в цель, и ударить крепко. Без малейших уступок. Надо дать им понять, что мы не уступим. Всякий, кто попадется нам в руки, будет платить за всех остальных...”

...Мы стояли на вершине холма. Внизу, в долине, раскинулись виноградники Соза. Где-то далеко высились силуэты гор, напоминавшие спящих чудовищ. “Посмотри, Жона, – продолжал Соза, – это самое прекрасное в мире зрелище, я часто прихожу любоваться им. Наверное, и до меня люди приходили сюда. Но я спрашиваю себя, что видели они? Я пытаюсь взглянуть на эту землю сквозь время и поставить себя на место и кочевника-бербера, и финикийца, и римского центуриона, и вандала, и мусульманского завоевателя – всех тех, кого судьба привела сюда и кто мог стоять на вершине этого холма, как мы с тобой. Что могли видеть они? Да ничего. Ничего было видеть, кроме дикой долины, где водились змеи и росли сорняки. Ничего не было, пока мой прадед не обосновался здесь. Он умер раньше того момента, когда мог извлекать прибыль от начатого им дела. Здесь раньше не росло ни одного деревца. Но мой прадед не зря проделал огромный путь. Он засучил рукава, сделал своими руками необходимые орудия труда и сам начал и бороздить, и пахать, и сеять, поднимать целину, прежде чем отрезать кусок хлеба, выпеченного из первого своего урожая. Он работал, как каторжанин, и днем, и ночью, это был настоящий ад во все времена года. Но мои предки ни разу не опустили руки. Работали без передышки. Некоторые помирали от нечеловеческих усилий и напряжения, других съедали болезни. Но никто ни на секунду не усомнился в полезности и необходимости того, что делал. Благодаря моей семье, Жона, благодаря тем жертвам, которые она принесла, благодаря вере в наше дело дикая земля была приручена. Из поколения в поколение люди старались превратить ее в цветущие сады и плодородные поля. Все деревья, которые ты здесь видишь, могут рассказать тебе историю жизни моих родителей и прадедов. И каждый апельсин, из которого ты выжимаешь сок, полит их потом. В нектаре плодов, которые здесь собирают, сконцентрирована энергия и энтузиазм моих предков. И этот белокаменный дом, где прошло мое детство, построен их руками. Эта страна нам обязана всем. Мы проложили дороги, пустили по рельсам поезда до самой Сахары. Мы перебросили мосты через реки, воз-

двигли города один прекраснее другого, создали чудесные поселки неподалеку от лесов, похожие на оазисы, о которых мечтали люди. Мы превратили истерзанную тысячелетиями набегов и войн землю в великолепную страну, процветающую и полную надежд, мы превратили ее каменистую почву в райский сад. Что же вы хотите теперь от нас? Чтобы все наши усилия превратились в прах?! Нет, я не хочу, чтобы дело наших рук улетучилось, как дым. Эта земля сумеет различить своих. Мы ей служили так, как матери-то своей редко кто служит¹⁰. И эта земля щедра к нам, потому что она знает, что мы ее любим. Послушай ее, эту землю, приложи к ней ухо, и она скажет тебе, что мы достойны каждого клочка наших полей, каждого плода с наших деревьев. Когда-то мы нашли здесь мертвую землю, но вдохнули в нее живую душу, оросили ее своей кровью и полили потом, напоили водой ее рек, проведя каналы, создав систему ирригации полей. И никто на этой планете не сможет лишить нас права продолжать наше дело, – служить этой земле до окончания времен. И уж конечно, не эти оборванцы и лентяи, которые верят в то, что, убивая тех, кто попадает им под руку, они выкосят траву у нас под ногами... Нет, это не их земли. Если бы это было так, то сама земля прокляла бы их, как я их проклинаю всякий раз, когда вижу, как огонь пожирает очередную ферму, превращая ее в пепел: это дело их рук, этих преступников. Если они полагают, что это производит на нас устрашающее впечатление, то понапрасну теряют время. Мы не уступим им. Алжир – наше изобретение. Это то, что нам удалось лучше всего. И мы не позволим, чтобы чьи-то нечистые руки опоганили наш посев, наш урожай”.

...Я вдруг вспомнил, как в начальной школе в Оране француз-учитель вызвал к доске Абделькадера, и когда тот не ответил на его вопрос, стал больно трепать его за ухо, пронзительно крича: “А все потому, что все арабы – лентяи! Лентяи!” Его голос словно донесся сейчас до меня из глубины лет, всколыхнул душу... И меня, как и тогда в школе, охватил приступ гнева. Я даже забыл, зачем пришел сюда... Я видел сейчас перед собой только господина Соза, который произнес свою триумфаторскую речь, излил свою гордость, приправленную ядом злобы и спеси, залил яркий солнечный свет дня чем-то гнусным и грязным... И не отдавая себе отчета, не в состоянии сдерживать себя, я, освобождая душу, высказал ему все, что хотел: “А еще раньше, господин Соза, куда раньше, чем явились сюда ваши прадеды и прапрадеды, на этой земле жил человек. И когда он обращал свой взор к этой долине, он сливал себя с ней. Он принадлежал ей, а она

---

¹⁰ Это весьма примечательное для алжирцев сравнение: «Мать-земля», «Мать-родина», «Мать – родина духовная» и т. д. В минуту решительного выбора каждый выбрал свою «Мать». Так, Альбер Камю, который был родом из Алжира, – Францию, а Малек Хаддад, живший во Франции, – Алжир. – С. П.

принадлежала ему. Не было на ней ни дорог, ни рельсов, и не мешали ему сорняки и колючие дикие кустарники. И всякая речка, журчащая или высохшая, и всякая тень от любого дерева, и всякий камешек на этой земле были сродни ему. И человек этот доверял своей земле, и она верила в него. Потому что он был свободен. У него богатства-то было всего лишь пастушеская свирель, да козы, да самодельное ружье, чтобы отпугивать шакалов. Ему достаточно было тени от дерева или куста, чтобы лечь на землю и отдохнуть или почувствовать себя живым. Кусок лепешки да луковица были его роскошным пиром. Он довольствовался малым. Он жил в ритме времен года, уверенный в том, что в простоте окружающих его вещей и есть смысл жизни. Он не желал никому зла и полагал, что и ему самому нечего опасаться. Пока не настал тот день, когда на горизонте возник вихрь и принес страдание. У него отняли и свирель, и самодельное ружье, и землю, и стадо, и все то, что изливало сладостный бальзам на его душу. А сегодня его хотят заставить поверить в то, что он на этой земле оказался случайно, и почему-то удивляются, когда он бунтует и возмущается. Нет, я не согласен с вами, мой господин. Эта земля принадлежит не вам. Она – добро того пастуха былых времен, призрак которого бродит теперь рядом с вами, но вы не желаете его замечать. Потому что вы не хотите и не умеете отдать ему то, что ему принадлежит. Возьмите себе ваши мосты и ваши виноградники, ваши асфальтовые дороги и ваши железные рельсы, ваши города и ваши сады и верните ему то, что принадлежит ему по праву”.

“Ты, конечно, умный парень, – сказал Соза Юнесу. – Ты воспитан в хорошей семье и получил хорошее образование. И останься при своем. И знай, что феллага¹¹ – не строители, не созидатели. Если даже им доверят рай, они превратят его в руины. Они принесут твоему народу только несчастье и крах всех ваших иллюзий...”» (Jasmina Khadra 2008: 301–307).

Больше Юнес ему ничего не сказал. Не потому, что ему нечего было сказать: мотивация защиты своей земли как той, так и другой стороной была сформулирована достаточно эмоционально, и аргументный ряд у каждого был убедителен, хотя Юнес и предложил колонисту вариант «раздела» (во французском тексте употреблен глагол *«partager»*) того, что принадлежит «делу французов» на этой земле, и что принадлежит алжирцам (изначальное право владения землей), не подумав о том, что это-то и стало причиной начавшейся кровопролитной войны. Одни не уступали возделанную ими землю, не делились

---

¹¹ Что-то вроде «разбойничья свора»: от арабского «феллах» (крестьянин). Французы называли этим презрительным «собирательным» словом всех алжирских повстанцев из сельской местности, уравнивая их с «бандитами», «грабителями» и т. п.

ничем, другие отвоевывали то, что извечно принадлежало народу – его исконную землю.

«День» постепенно исчезал. День, который долго ослеплял своим сиянием, не позволяя видеть Тень, не давая опуститься Ночи. Что спровоцировало всеобщее прозрение? Конечно, и мировая война, и мировой экономический кризис, и «кричащие противоречия» самой алжирской действительности, разделенной барьером разных миров. Начавшееся в стране движение алжирского народа за свое освобождение вызвало ответную реакцию сопротивления тех, кто не хотел отдавать ему ставшую своей землю.

Финал постигшей Алжир катастрофы описан в третьей части романа. Как это ни парадоксально, она называется «Эмили» – по имени прекрасной возлюбленной Юнеса и посвящен именно женщине, любви, а не ненависти, охватившей два мира. В романе эта тема звучит как невозможность Любви. Любовь показана как драма несостоявшегося бракосочетания. Но примечательно, что Любовь зарождается и разгорается именно в *Rio Salado* – мирном оазисе, где в душе и Юнеса, и его товарищей царила непоколебимая вера в Дружбу, где спасала от бурь и ураганов, уже носившихся над миром, Надежда на вечное Счастье, на нерушимость стен родного и такого, казалось, крепко построенного Дома, в котором совместно жили разные народы. Но очень «личная», «любовная» часть романа, названная женским именем «Эмили», постепенно обретала звучание другой темы – все той же Истории жизни страны, хотя и исполненная уже не в ключе бытописания, но в плане лирическом, обретая характер психологических интерпретаций, связанных с самой проблемой «многоликости» Любви.

Бесконечно множась в разнообразии личных судеб друзей юности Юнеса, перипетий их браков, сложных отношений между собой, общих сердечных привязанностей и общих разочарований, счастливых или несчастных «развязок» жизненных путей, связанных с выбором возлюбленных, «любовная» тема вся подчинена лейтмотиву, звучащему «подспудно», но содержащему символическую основу всего произведения. Открытая многим смыслом, его наполняющим, эта тема – о той единственной Любви, которая заставляет человека сделать свой единственный выбор и позволяет ему вернуться к самому себе, к своей подлинности, естественной «идентификации» себя в пространстве и времени жизни, и обрекает героя на трагедию невозможности совместности своей личной судьбы с судьбой Другого.

В самом имени главного героя романа (и арабском, и французском) очевиден его символический смысл: библейский Иона, не выполнив завет Бога (напомнить жителям Ниневии об их злодеяниях), был наказан бурей и, выброшенный в море, попал в чрево кита, но не был поглощен им, ибо, вняв мольбам несчастного, Бог повелел ис-

торгнуть его на сушу. И наказание, и спасение Ионы (во всем разнообразии его мифологических модификаций) трактуются в разных традициях по-разному. Использованная же автором романа аллюзия означала необходимость искупления человеком вины своей за предательство «богов своих»¹²... Но оставшись на своей части «суши», хотя и побывав в лоне «чужого» мира, Юнес не утратил главного: неизбывного чувства любви и благодарности тому времени, которое позволило мгновения счастья.

Так что же День должен Ночи?

Энергию любви, рожденную ожиданием счастья, наслаждением красотой Земли, зовом свободного простора моря, надеждой на нескончаемость юности жизни, дарующей грезы, жар сердец, верных идеалам дружбы и справедливости...

Вспомним еще раз слова из романа Ясины Хадры «*Morituri*» («Идущие на смерть»): «Если ты не говоришь, то умрешь; если же будешь говорить, ты умрешь тоже». Когда-то я, написав очерк о творчестве алжирца Малека Хаддада, восхищенная его, жившего во Франции, сравнением Родины своей, Алжира, с «куском хлеба», заметила: лучше не скажешь, большего не отнимешь... И люди продолжают говорить и писать о том, что у них отнято, что предано, что не свершилось, но о чем они будут мечтать вопреки Смерти. Сколько осталось тех, из поколения Юнеса, Жана-Кристофа, Симона и Фабриса, объединенных тем, что жили они на одной земле? Совсем немного. И если они и говорят сегодня о прошлом, то только с ностальгией, одни – вспоминая войну, другие – мир, называя его *NostrAlgéria*... Лучше не скажешь. Но разве можно отнять у них самое дорогое, что связало их, но было разрушено ураганом Истории: прекрасную Мечту о Мире? Прекрасную иллюзию Свободы? В стране, где не было ни Равенства, ни Братства...

Литература

Ланда, Р. Г.

1976. *Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918)*. М.: Наука.

1980. *Кризис колониального режима в Алжире (1931–1954)*. М.

1983. *История алжирской революции (1954–1962)*. М.

---

¹² Неслучайно совпадение имени героя романа Ясины Хадры с именем главного персонажа одной из новелл Альбера Камю из сборника «Изгнание и Царствие» – *Jonas* (см.: Camus 1957). В новелле запечатлена трагедия художника, долго создававшего свой «неведомый шедевр», так и оставшийся чистым холстом, на котором можно было лишь с трудом прочесть одно написанное слово: то ли «*soliter*» (одинокий), то ли «*solider*» («солидарный»).

Никифорова, И. Д. 2006. Ясмина Хадра: новое имя и новое слово в алжирской литературе. *Слово и мудрость Востока* (с. 509–526). М.

Прожогина, С. В.

1980. *Магриб: франкоязычные писатели 60–70-х гг.* М.: Наука.

1992. «Для берегов отчизны дальней...» («Изгнанничество» и литература североафриканцев на Западе). М.: Наука.

1998. *Между мистралем и сирокко.* М.: Вост. лит-ра.

2001. *От Сахары до Сены.* М.: Вост. лит-ра.

2004. *Любовь земная (Концепт Родины в творчестве франкоязычных магрибинцев).* М.: Ин-т Африки.

2006. *Женский портрет на фоне Востока и Запада.* М.: Ин-т востоковедения РАН.

2008. *Вошедшие в храм Свободы.* М.: Вост. лит-ра.

Abbas, F. 1962. *La nuit coloniale.* Paris: Julliard.

Algérie. Un rêve de Fraternité / Textes choisis et présentés par Guy Dugas. Paris: Omnibus, 1997.

Begag, A. 2006. *L'île des gens d'isi.* Paris.

Camus, A. 1957. *L'exil et le royaume.* Paris: Libraire Gallimard.

Jasmina Khadra. 2008. *Ce que le jour doit à la nuit.* Paris.